

ВЫБОР ПУТИ В РЫНОЧНЫЙ МИР

Стародубровский В.Г.

(Москва)

"Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет... Куда ж нам плыть?"

А.С. Пушкин.

С учетом опыта разных стран анализируются альтернативы перехода к рынку. Показаны жесткие рамки выбора экономической политики, которая может быть рассчитана на успех. Рассматриваются возможные направления дальнейшего развития переходного процесса.

Выбор, собственно, сделан. Не один год с официальных и неофициальных трибун были слышны голоса о неизбежности так называемых непопулярных мер. Более того, об их необходимости, дабы не стало еще хуже. Но, когда после долгих проволочек начало этим мерам было положено на деле, многие, если не все, ужаснулись. Поэтому обсуждение вопроса о том, каковы были возможности выбора, его альтернативы, правильно ли он сделан, приобретает новое звучание.

Немалую помощь здесь может оказать опыт других стран, но не для механического копирования. Главное в том, что перед всеми государствами, где недавно господствовала административно-командная система хозяйства, стоят примерно одинаковые проблемы.

Прежде всего можно выделить два пути перехода к рынку: 1) постепенный, посредством экономических реформ, 2) радикальный, сопровождаемый взрывными социально-политическими процессами.

Первый путь характерен для экономических реформ начала — середины 1960-х годов, которые проводились почти во всех бывших социалистических странах и дали заметные позитивные результаты. Достаточно напомнить, что у нас в восьмой пятилетке (1966—1970 гг.) темпы роста производства и уровня жизни населения, а также показатели эффективности использования ресурсов были выше, чем в предшествующее и последующие пятилетия. Но большинству стран удержаться на пути реформы не удалось: более или менее быстро все вернулось на круги своя. Основная причина достаточно очевидна. Экономические реформы, направленные на слом административно-командной системы и бюрократических методов руководства, не подкреплялись политическими. Бюрократия оставалась у власти. Допустить свободу рыночных отношений было для нее равносильно подписанию себе смертного приговора. Проще, естественно, оказалось вынести такой приговор новым экономическим начинаниям. Лишь Югославия, Венгрия и Китай смогли обеспечить поступательное движение на пути экономических реформ. Развитие каждой из этих стран имело свои особенности, но общее состояло в том, что удалось найти определенный компромисс между мерой ущемлений прежних административных методов руководства и реальными, хоть и недостаточно последовательными шагами, закладывающими основы формирования рыночного хозяйства и рыночных методов регулирования. Это привело с самого начала к некоторому улучшению общей экономической ситуации, в том числе на потребительском рын-

ке, отсюда и создание лучших социально-политических условий для постепенного формирования отдельных элементов рынка.

Относительная экономическая стабилизация и более полное насыщение потребительского рынка достигались как за счет достаточной комплексности самих реформ, так и в связи с тем, что они, как правило, касались прежде всего сельского хозяйства. Было лишний раз доказано, что аграрный сектор наиболее быстро реагирует на рыночные стимулы. Рост сельскохозяйственного производства способствовал более полному удовлетворению спроса населения и создавал благоприятную не только экономическую, но и социально-политическую основу для реформ в промышленности. Немалую роль в лучшем обеспечении потребностей сыграло также привлечение иностранных кредитов, которое было особенно характерно для Югославии и Венгрии.

Постепенный путь далек от идиллии: для него характерны весьма острые противоречия. Мирное сосуществование прежнего администрирования с новыми методами экономического регулирования достигается с большим трудом и не всегда успешно. Достаточно напомнить о последствиях ошибок в централизованной экономической политике середины 1970-х годов в Венгрии, в результате которых в стране сложилась самая высокая по сравнению с другими бывшими социалистическими странами внешняя задолженность на душу населения, повлекшая за собой стагнацию производства и падение жизненного уровня народа. Страна длительное время находилась в состоянии экономического кризиса. В течение продолжительного срока испытывает глубокие трудности Югославия, которая переживала и периоды головокружительной гиперинфляции. Немало проблем в китайской экономике, не говоря уже о том, что там не удалось избежать известных политических событий. В целом при развитии позитивных процессов перехода к рынку ни в одной из этих стран нет еще более или менее развитой рыночной экономики, не удалось сформировать отношений, активно влияющих на технологическое обновление производства, без которого невозможны выпуск конкурентоспособной продукции и завоевание прочных позиций на мировом рынке.

Но важно, что в них решена продовольственная проблема и потребительский рынок наполнен товарами. В этом состоит основная причина особой привлекательности постепенного пути в глазах многих наших соотечественников, если, конечно, сопоставлять его итоги с той ситуацией, в которой мы сейчас оказались. Именно данное обстоятельство и заставляет "тряхнуть стариной" и вспомнить реформаторские шаги, относящиеся к не столь уже близкому времени. Представляется, однако, что постепенный путь для нас уже нереален — поезд ушел. Естествен вопрос: почему?

Ответ надо искать в той экономической ситуации, которая предшествовала мерам, принятым в начале нынешнего года. Наиболее характерная ее черта — крах потребительского рынка, вымывание товаров с полок магазинов, превращение дефицита в глобальный. Это не только наше отечественное "достижение". Такие явления наблюдались во многих странах, вступивших на радикальный, революционный путь перехода к рынку. В течение ряда лет подобная ситуация определяла состояние польской экономики; в той или иной степени — Болгарии, Румынии, Монголии. По краю провала прошла Чехо-Словакия, где, несмотря на многие симптомы, удалось все-таки избежать наиболее тяжелых последствий. По понятным причинам сия участь миновала восточные земли Германии, хотя и там хватает проблем.

Специфика форм глубокого кризиса и развала экономики, особенно потребительского рынка, сказалась и на научной терминологии. Так, известный польский экономист профессор Г. Колодко ввел для характеристики этого процесса, с которым не сталкивались страны, имеющие рыночную экономику, новое понятие: "инфляцид". Оно означает соединение процессов дефицита и инфляции, когда последний оказывается неспособным существенно повлиять на наполнение полок магазинов.

Если указанные явления наблюдались в разных странах, значит, они имеют и общие корни. Эти корни — прежде всего в наследстве, полученном от прежней экономической системы. Основу той системы составляло, как известно, распределение материальных ресурсов, которое не зависело напрямую от финансовых возможностей предприятия. Избыток денежных средств не давал возможности рассчитывать на дополнительные

материальные ресурсы, а их недостаток не препятствовал получению этих ресурсов, ибо нехватку должно было покрыть государство путем перераспределения. В таких условиях не могло не усугубляться расстройство финансовой системы государства, способствовавшее росту неудовлетворенного денежного спроса и разбуханию теневой экономики. Это сказывалось и на накоплении денег у населения, которое было слишком мало, если вести речь о развитии нормального рынка капитала, участия в приобретении акций и облигаций и т.п., но чересчур велико, если рассчитывать на их обеспечение непосредственно за счет рынка потребительских товаров и услуг. Как только обнаруживаются первые признаки свободы рыночных отношений, так этот ничем не подкрепленный денежный спрос обрушивается на потребительский рынок и опустошает его.

Но избыток денежного спроса населения по сравнению с предложением был и раньше, однако не приводил к столь разрушительным и трагическим последствиям. Действительно, за последние годы появился ряд новых факторов, способствовавших росту несоответствия между спросом и предложением и его тяжелого влияния на экономику. Основным из них является огромный дефицит бюджета, по масштабам которого мы вышли на одно из "передовых" мест в мире. Этот дефицит отражает серьезные ошибки в политике перестройки, и при отсутствии выкупаемых предприятиями и населением долговых обязательств государства привел к увеличению денежной эмиссии, не обеспеченной товарами и услугами. Росту ажиотажного спроса содействовала и политическая нестабильность, в том числе межнациональные конфликты в различных районах страны. Сыграло также роль и то, что старая система управления была существенно подорвана и во многом перестала действовать, а новая еще не начала функционировать. Ко всему добавился резкий спад внешней торговли, и прежде всего импорта, связанный с тем, что благоприятная для нашей страны конъюнктура цен на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы, которую мы не смогли толком использовать, была исчерпана и существенно ухудшалась, приводя к быстрому исчезновению резервов твердой валюты и золота. Глубоко была подорвана и торговля со странами, входившими ранее в СЭВ, после того, как расчеты между ними перевели на твердую валюту. За короткий срок стало ясно, насколько трудно проникнуть на западные рынки. Старые же связи в рамках бывшего СЭВовского региона оказались парализованными из-за нехватки твердой валюты у предприятий. Эти обстоятельства, на которые наслаивается углубляющийся уже в течение более 2 лет спад производства, приводят к сокращению предложения.

Все это ставит наше хозяйство и экономическую политику в исключительно жесткие рамки. Исходное условие задачи таково: пока не устранен необеспеченный потребительский спрос, наполнить рынок товарами невозможно. Когда же этот рынок пуст, бессмысленно говорить о возможности воздействия на производство каких бы то ни было экономических стимулов. Масштаб же неудовлетворенного спроса более чем значителен. На начало 1991 г. он оценивался в 40–50% годового объема реализации товаров и услуг населению. В течение истекшего года, несмотря на повышение цен, "отоваренный" процент прироста денежных доходов населения был меньше, чем в 1990 г. Пока необеспеченный спрос не исчезнет совсем, ситуация не изменится. А это — еще одно чрезвычайно сложное условие задачи, которую предстоит решить.

Указанные требования и дают ответ на вопрос о возможности, точнее, невозможности использовать постепенный путь рыночных реформ. Любая постепенность означает неизбежное откладывание самой острой проблемы нашей экономики — маломальского насыщения потребительского рынка — на неопределенный срок. Это — тупик, путь к национальной катастрофе. Тем самым проблема максимально быстрой рыночной стабилизации, т.е. прежде всего обеспечение соответствия, равновесия между спросом и предложением, становится основной. Только разрешив ее, можно помышлять о выходе из экономического кризиса. Эта ситуация объективна, и она безальтернативно дает ответ на вопрос о выборе между постепенными и радикальными мерами. Время первых ушло.

Важно, что достижение хотя бы самого общего равновесия между спросом и пред-

ложением необходимо не только для торможения и прекращения экономического распада, но и для проведения самого процесса перехода к рыночным отношениям. Нет сомнения в том, что, с точки зрения перспективы, переход к рынку определяется изменениями не в сфере распределения, а прежде всего в сфере производства, поэтому особая роль в этом переходе принадлежит тем процессам, которые можно было бы назвать базовыми при движении к рынку. Среди них центральным является развитие новых предпринимательских структур как путем создания различных негосударственных предприятий, так и на основе приватизации государственной собственности. С приватизацией тесно связано формирование всей системы рынков; оно позволит рыночным отношениям постепенно стать высокоразвитыми и оказывать полноценное влияние на высокоэффективное функционирование экономики. Речь идет о развитии не только товарного рынка, но и рынка капитала (этому будет способствовать расширение числа акционерных предприятий), рынков труда, валюты и денег, жилья, в перспективе — земли и т.п. Особую роль приобретает становление современной многоуровневой банковской системы, инфраструктуры товарного рынка и др. Важно, чтобы развитие всех основополагающих направлений осуществлялось с самого начала с максимальной комплексностью и интенсивностью.

Однако макроэкономическая ситуация, и прежде всего наличие или отсутствие равновесия между спросом и предложением, будет определяюще сказываться на последствиях отмеченных базовых процессов развития рыночной экономики. Если спрос превышает предложение, то даже относительно широкое распространение новых предпринимательских структур не приведет к подлинно предпринимательскому поведению, необходимому для формирования высокоэффективной экономики. Если сохраняется дефицит, то его неизбежное следствие — так называемый монопольный рынок поставщика, который ориентирован на повышение цен, а не на расширение производства, рост качества и снижение затрат. В таких условиях каждый производитель становится фактически монополистом независимо от того, сколько предприятий выпускает один и тот же вид продукции. Последствия такого перекошенного воздействия рынка можно наглядно наблюдать на примере кооперативов, которые пока преуспевают более всего в "завоевании" ненависти населения. Но беда не в них, а в общих экономических условиях хозяйствования: пока сохраняются условия глобального дефицита, неизбежно будет происходить дискредитация новых рыночных структур.

Достижение же равновесия между спросом и предложением является решающим для формирования рынка потребителя, в котором и заложено главное преимущество рыночной экономики. В условиях насыщенности спроса не деньги ищут товар, а товар ищет потребителя, требования которого становятся основой развития производства. Таким образом, с точки зрения не только остроты текущей экономической конъюнктуры, но и создания принципиальных условий для перехода к рыночным отношениям и реализации их возможностей, скорейшая стабилизация экономики — насущнейшая задача.

Говоря о стабилизации, не хотелось бы вдаваться в терминологические дискуссии. Разные авторы вкладывают в понятие стабилизации различный смысл. Например, в программе "500 дней" точкой отсчета стабилизации считалось завершение периода экономического спада и достижение уровня производства, который предшествовал этому спаду. В таком понимании стабилизации, безусловно, имеются свои резоны. Здесь же, повторим, подразумевается стабилизация в узком смысле слова, т.е. равновесие между спросом и предложением. Именно поэтому я ее называю обычно рыночной стабилизацией.

Она может быть достигнута двумя путями: или увеличением предложения, или сокращением спроса. Первое на основе роста производства пока нереально. Уже было отмечено, что в сложившихся условиях экономические стимулы всерьез работать не способны. Командные методы также утратили свою силу. Экономика находится в состоянии спада, который еще некоторое время неизбежно будет продолжаться. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что стабилизация сама по себе является одним из важнейших факторов, от которых зависит увеличение предложения товаров. Главный путь

выхода из кризиса и обретения перспектив роста экономики состоит в изменении отношения к труду, обеспечении его современной организации, интенсивности, творческой направленности, эффективности. Очевидно, прежний и нынешний уровни производительности труда, какими бы подчас тяжелыми усилиями ни достигались, не отвечают указанным критериям. В реальных условиях обрести новое отношение к труду и новый уровень его эффективности можно лишь на основе рыночных стимулов, как позитивных, связанных с возможностью заработать гораздо больше, так и негативных, порождаемых опасностью потерять рабочее место и оказаться в ряду безработных. При значительном неудовлетворенном спросе эти стимулы парализованы, и только рыночная стабилизация может привести их в действие.

Предложение можно увеличить и за счет импорта и западных кредитов. Мы упустили наиболее благоприятные возможности для этого, которые складывались в начале перестройки. Сейчас решающим средством открыть двери для дополнительных кредитов и помощи являются не разговоры, а реальные последовательные меры по развитию рыночной экономики и ее стабилизации прежде всего на основе либерализации цен. Тем самым стабилизация становится средством обеспечения и этого пути расширения предложения товаров и услуг.

Вместе с тем сохраняются возможности экспорта немалого количества неиспользуемых ресурсов, в том числе находящихся у нас в отвалах и в излишних запасах у предприятий с тем, чтобы получить дополнительную твердую валюту для закупок продовольствия и других товаров первой необходимости для населения. В печати не раз отмечалось, что несколько организаций типа "АНТов" могли бы с успехом справиться с этой задачей.

При всех обстоятельствах очевидно, что насытить спрос только путем увеличения предложения в нынешних условиях нереально. Неизбежно использование и другого способа — ограничения спроса. Это возможно или посредством конфискационной денежной реформы, или монетарными методами: либерализацией цен, сочетаемой с резким уменьшением дефицита бюджета и проведением жесткой финансовой и кредитной политики.

Нет смысла возвращаться к долгой дискуссии по поводу конфискационной денежной реформы. Она не нашла применения ни в одной из стран, начавших рыночные преобразования. Основные причины состоят в том, что, во-первых, она не менее тяжела для населения, чем альтернативный путь, поскольку конфискация должна быть достаточной, чтобы изъять весь неотоваренный спрос. Во-вторых, конфискация не уживается со свободой предпринимательства. Если у вас сначала отбирают деньги, а потом призывают к проявлению инициативы, чтобы их заработать заново, трудно рассчитывать, что это вызовет положительный отклик. Поэтому страны, оказавшись перед необходимостью стабилизации, выбирали монетарный путь.

Но решиться на него очень непросто. Сократить спрос — значит снизить уровень жизни населения. В этом суть непопулярности неизбежных мер. Стяжать лавры на этом пути невозможно, поэтому велик соблазн как можно дольше его оттянуть. Наиболее типичными первыми шагами нынешних реформ в разных странах были меры по некоторому расширению хозяйственной самостоятельности предприятий и повышению уровня директивно устанавливаемых цен. Смысл таких мер в области ценообразования состоял в том, чтобы устранить наиболее явные перекосы, улучшить возмещение затрат в народном хозяйстве, сократить необходимость в дотации убыточных производств. Логика достаточно очевидная. Подобные меры осуществлялись и в Польше, и в Болгарии, и в Чехо-Словакии, и в других странах. Не миновали они и нас в 1991 г. Однако ни в одной стране они заметно не повлияли на решение главной проблемы, определяющей остроту экономической ситуации: на существенное уменьшение неотоваренного спроса. В некоторых случаях, как, например, в Польше в 1988 г., этому помешало забастовочное движение. У нас же такая задача и не ставилась, если учесть, что с самого начала была установка на компенсацию почти 85% повышения розничных цен. Конечно, полученные населением в порядке возмещения 60 руб. на человека могли вызвать в лучшем случае лишь недоумение. Однако, если вспомнить, что в качестве компенсации учитывалось и

проведенное перед этим повышение уровня заработной платы учителям и медикам, то применительно к государству в целом указанное соотношение было, судя по всему, близко к реальности. Кроме того, существует естественный текущий рост доходов населения. В таких условиях директивное увеличение цен никак не могло повлиять на сокращение неотоваренного спроса.

Другой путь, предшествующий стабилизации, был испытан в Польше и в Югославии в 1989 г. Он заключался в расширении свободы ценообразования при одновременном стремлении под лозунгами социальной защиты максимально компенсировать населению рост цен. Так, в Польше коэффициент индексации доходов был установлен на уровне 0,8–1 по отношению к индексу прироста розничных цен. И в этих условиях с августа 1989 г. были освобождены цены на продукты сельского хозяйства и некоторых других отраслей. В итоге избыточный спрос также не сокращался в должной мере. Цены повышались, но денежные доходы устремлялись вслед за ними. В результате средний рост цен с августа по конец года оказался более чем четырехкратным, а по некоторым мясо-молочным продуктам – до 20 раз. Общий же индекс цен за год составил 9 раз. При быстром увеличении цен товары далеко не сразу появились на полках магазинов и насыщенность рынка оставалась недостаточной (вспомним упоминавшийся "инфляцид"). Большое количество скоропортящейся сельскохозяйственной продукции сгнило и было потеряно из-за инфляционного поведения производителей, которые стремились не вывозить ее на рынок, ожидая дополнительного повышения цен. Но ситуация гиперинфляции в Польше была далеко не рекордной, поскольку в Югославии в 1989 г. розничные цены выросли в 25 раз.

Известно, что гиперинфляция является антиподом стабилизации. Трудно сказать, в какой мере политика гиперинфляции проводилась сознательно, а в какой явилась просто равнодействующей борьбы разных социальных сил. Сознательность может усматриваться в том, чтобы психологически подготовить население к стабилизации, которая, несмотря на все тяготы, все-таки будет выглядеть лучше, чем галопирующее увеличение цен и обесценение денег. Кроме того, в условиях гиперинфляции происходит существенное обесценение вкладов населения, т.е. решается задача, во многом аналогичная конфискационной денежной реформе. Очевидно, однако, что применительно к нашим условиям стремиться перейти к стабилизации через более или менее продолжительную гиперинфляцию было бы чрезмерным испытанием для народа.

Между тем без активных мер по стабилизации гиперинфляционная спираль оказалась бы для нас неизбежной. Ведь наряду с административным повышением цен после 2 апреля 1991 г. произошла и некоторая их либерализация. Примерно 40% цен на средства производства и около 60% на товары народного потребления стали в той или иной мере свободными. При превышении предложения над спросом они неизбежно рванулись ввысь. Не случайно по данным Госкомстата, если инфляция в сентябре 1991 г. составляла 1,3% в месяц, то в декабре она достигла уже 12%. При этом в худших условиях неизбежно будут оказываться отрасли, где сохраняется централизованное установление цен. Издержки их производства растут под влиянием увеличения свободных цен, а цены на выпускаемую продукцию остаются стабильными. В этой ситуации государство оказывается перед выбором: или сдерживать рост утверждаемых цен и тогда нужно поставить крест на стремлении сбалансировать бюджет (ибо будут расширяться дотации), или повышать утверждаемые цены. В последнем случае их поведение будет таким же, как и свободных цен, только с некоторой задержкой, которая отрицательно скажется на стимулах предприятий. Иными словами, стабилизировать экономику и упорядочить соотношение между доходами и расходами бюджета без достаточно широкой либерализации цен становится практически невозможным.

Путь стабилизации, основанный на освобождении подавляющей части цен, испытан в Польше и Югославии в 1990 г., в Болгарии и Чехо-Словакии в 1991 г. При различных вариациях наиболее существенными мерами наряду с либерализацией цен были проведение жесткой банковской политики, ограничивающей спрос на кредиты, существенное сокращение дефицита бюджета, введение внутренней конвертируемости национальных валют, замораживание заработной платы.

Наиболее наглядный пример жесткой банковской политики был преподнесен в Польше, где учетная ставка процента Центрального банка составляла в январе 1991 г. 36%. Соответственно коммерческие банки выдавали кредиты исходя из 40–70% в месяц. Причем повышенные проценты были распространены не только на вновь приобретаемые, но и на ранее полученные кредиты. Естественно, начался ускоренный возврат ссуд, который резко урезал спрос со стороны как населения, так и предприятий, значительная часть которых оказалась в тяжелейшем финансовом положении. Логика такой процентной политики определялась стремлением увязать норму процента с нормой инфляции и гарантировать равновесие между спросом и предложением. В последующие месяцы ставка процента снижалась и стала колебаться в границах 40–60% годовых. В итоге решающим фактором стабилизации в Польше наряду с освобождением цен явилась кредитная политика. Несмотря на резкое снижение нормы индексации доходов населения (до 0,2–0,3), многие предприятия не могли выплачивать и эту урезанную заработную плату из-за отсутствия средств. В Югославии же важнейшим фактором явилось именно замораживание заработной платы, когда в течение нескольких месяцев абсолютная сумма выплат, выдаваемых отдельному гражданину, сохранялась на уровне сумм, сложившихся в месяц, предшествующий принятию мер по стабилизации.

Естественным следствием перехода к свободным ценам явился их скачок. В Польше в январе 1990 г. он равнялся 80% по товарам народного потребления, в феврале — 23%, а затем колебался за отдельными исключениями в пределах 3–5% в месяц. Общий рост цен за год превысил 3 раза. В Югославии относительная стабилизация цен произошла через 2–3 месяца после их освобождения и первоначального всплеска, а затем ежемесячные приросты составили 1–2% опять-таки за некоторыми отдельными исключениями; общий рост цен за год — около 2 раз. В Чехо-Словакии повышение цен продолжалось после их либерализации около полугода, хотя при этом их общий рост оказался равным 50–60%. Наибольший "стабилизационный" скачок цен был, судя по всему, в Болгарии.

Хотя во всех странах дальнейший темп роста цен ниже по сравнению с их первоначальным взлетом, он все-таки сохранялся на заметном уровне и уже поэтому можно говорить, видимо, лишь об относительном характере стабилизации. Остальные последствия нагляднее всего, наверное, можно показать на примере Польши. Прежде всего в очень короткие сроки рынок был насыщен товарами, причем постепенно товарная масса достигла впечатляющего разнообразия. Несмотря на исключительно высокие цены, этот факт в решающей мере помог населению пережить тяготы стабилизации. Существенную роль в наполнении магазинов сыграла и внутренняя конвертируемость злого, которая способствовала активизации как экспорта, так и импорта. Именно конвертируемость позволила в относительно короткое время создать условия конкуренции на внутреннем рынке с помощью ввозимых из-за границы товаров, а также обеспечить быструю реакцию предложения на изменение спроса в условиях, когда отечественное производство к такой реакции еще недостаточно приспособлено. Почти в течение всего года экспорт товаров существенно превышал импорт, что дало возможность накопить дополнительные валютные резервы, не используя ни цента из специально сформированного на Западе стабилизационного фонда для поддержки внутренней конвертируемости злого, и удержать в течение года стабильный курс его по отношению к твердым валютам. Вместо ожидавшегося дефицита бюджета в течение всего 1990 г. доходы превышали расходы. Лишь в 1991 г. снова появился дефицит. По наблюдениям очевидцев, весьма быстро и значительно изменилось отношение к труду и к рабочему месту: стало очевидно, что для сохранения рабочего места трудиться нужно с полной отдачей. Резко сократились излишние запасы на предприятиях. Таковы лишь некоторые позитивные итоги.

Но стабилизация во всех этих странах в полной мере отвечала определению принятых мер как мер непопулярных. Падение промышленного производства в Польше составило сначала треть, а с учетом дальнейшей динамики к концу года — четверть первоначального уровня. Настолько же снизились и реальные доходы населения. Близкий к этому порядок цифр характерен и для других стран. В них быстро начала расти безра-

ботица. Заметим, что при снижении производства в целом валовой национальный продукт частного сектора в Польше вырос в 1991 г. на 17%, а без учета сельского хозяйства — на 26%.

Так в общих чертах можно охарактеризовать последствия стабилизационных мер, которые были известны из практики указанных стран накануне ответственных экономических решений, принятых российским правительством. К сожалению, выбор, перед которым находилась наша страна, был выбором не между хорошим и плохим, а между плохим и худшим. Плохое — это активная политика стабилизации, которая у нас может проходить тяжелее, чем в других государствах, но открывает перспективу наполнения рынка, постепенного развития рыночных отношений и выхода экономики из кризиса. Худшее — это откладывание такой политики. Худшее потому, что неизбежно делает магазины еще более пустыми и еще более разбалансирует спрос и предложение при сохраняющемся дефиците бюджета и растущей инфляции. Распространенная в свое время фраза "время не ждет" более всего применима к нынешней ситуации.

Думается, что опасность худшего по сравнению с плохим — решающий фактор выбора экономической политики при сложившихся обстоятельствах. Конечно, нельзя не видеть, что наши начальные условия во многих отношениях были еще сложнее, чем в других странах, об опыте которых идет речь. Это в особенности относится к уровню жизни населения, ибо если накануне принятых мер около половины населения жило на грани бедности и ниже этой грани, то дальнейшее падение жизненного уровня означает обнищание значительной части народа. Наиболее быстрый способ противодействия этому — привлечение западной помощи. А увеличение ее в заметных размерах возможно только при последовательном начале стабилизационных рыночных мер.

Конечно, лучше было бы сначала ужесточить финансовую политику, принять меры к уменьшению дефицита бюджета, сформировать более развитую двухуровневую банковскую систему, расщатать монополизм и т.п. Но на это потребуется весьма продолжительное время.

Засилье монополизма в нашей экономике — вероятно, одно из центральных препятствий использования возможностей либерализации цен. Типичное монопольное поведение — использование свободных цен для их взвинчивания при сокращении производства. Эта опасность реальна. Но разрушение монополизма на основе развития приватизации и формирования новых предпринимательских структур опять-таки вопрос времени, и немалого. В условиях же дефицита каждый производитель, как уже говорилось, — монополист. Стабилизация и уравнивание экономики дают возможность повсеместного давления потребительского спроса на производство и создают условия для развития конкуренции, хотя бы там, где она возможна. Кроме того, перспектива внутренней конвертируемости рубля поможет конкуренции иностранных товаров на внутреннем рынке.

Наряду с экономическими нужно учитывать и политические факторы, влияющие на принятие решения о политике стабилизации экономики. Проволочки все глубже затягивали страну в пучину кризиса. Едиными действиями всех государств, входивших в СССР, решать проблемы было бы проще. Но при росте центробежных тенденций со стороны бывших республик процесс согласования экономической, и в особенности банковской, политики все более заходил в тупик. А без быстрых, решительных и твердых мер, проводимых банком, рассчитывать на стабилизацию и регулирование экономики в переходный период к рынку безнадежно. В условиях развала Союза Россия впервые получила шанс проводить радикальную политику самостоятельно, и он не был упущен. Если бы этого не произошло, трудно судить, представился ли бы он еще раз.

Таким образом, реальный выбор для определения линии экономической политики был весьма и весьма ограничен. Приходилось принимать решение с учетом всех неблагоприятных факторов и недостаточной подготовленности.

Главное теперь состоит в оценке последовательности принятых мер, а также их последствий и путей развития. Прежде всего нужно отдать себе отчет, достаточны ли эти меры для достижения реальной экономической стабилизации, какие проблемы

встретятся при их осуществлении, в каких случаях могут потребоваться те или иные коррективы в рамках принятого курса.

Ключевое место в пакете мероприятий принадлежит либерализации цен. Она сразу дала наглядное представление о реальном состоянии нашей экономики. С учетом большого превышения спроса над предложением первоначальный скачок цен был весьма значителен и составил, судя по всему, в январе примерно 3,5—4 раза. На многие товары первой необходимости цены росли еще более быстро. Характерными стали многие типичные явления инфляционного поведения. С одной стороны, значительные партии товаров возвращались магазинами поставщикам, поскольку с учетом уровня цен они не находили спроса, с другой — проявлялась тенденция сдерживания поставок товаров на рынок в ожидании дальнейшего повышения цен. Весьма медленно, но товары начали появляться в магазинах. Во все большем числе мест цены колхозного рынка нередко оказывались ниже, чем в государственных магазинах. Растет число случаев снижения цен в связи с ограниченностью спроса на товары.

Когда пишутся эти строки, еще трудно судить о том, превратится ли процесс наполнения рынка в достаточно устойчивую тенденцию. Главная проблема: сможем ли мы "срезать" следующий виток роста цен, не допустив их раскручивания в гиперинфляцию. Особую роль при этом, как известно, играет сокращение дефицита бюджета. Такая попытка сделана в экстренном порядке и правительству удалось получить на первый квартал тот бюджет, который оно запрашивало. Многие теперь будут зависеть от грамотности составления проекта бюджета и способности обеспечить реальное поступление тех доходов, которые им предусмотрены. Это не так просто, учитывая, что налоговая инспекция только начинает формироваться и вставать на ноги. Будет сказываться и непривычность механизма новых налогов, прежде всего налога на добавленную стоимость. Его форсированное введение было вынужденным, чтобы поставить налоговую систему в зависимость от объема продаж и роста цен. Иначе в условиях либерализации цен и их скачка рост расходов бюджета не будет компенсироваться поступлением доходов и государство быстро окажется на мели. Но механизм взимания налогов такого типа не прост, и в Западной Европе их введению предшествовал не один год подготовки.

Следующим фактором, ограничивающим "выброс" неотоваренных денег в обращение, является жесткая кредитная политика. Ведущее место в регулировании и нормализации денежного обращения, а следом и всего рыночного хозяйства, принадлежит политике Центрального банка. Она базируется на двух основных рычагах: учетной ставке банковского процента, по которому Центральный банк предоставляет ссуды коммерческим банкам, и которые, исходя из этого, определяют минимальную границу процента, запрашиваемого коммерческими банками при кредитовании предприятий, и нормы обязательного для всех коммерческих банков резерва, ограничивающего использование их ресурсов для выдачи ссуд. Норма этого резерва должна быть поднята за 3 месяца по вкладам до востребования с 10 до 20%. Эта величина приближается, пожалуй, к границе, встречавшейся в практике других стран. Такая норма применялась, в частности, в Венгрии.

Что же касается ставки процента Центрального банка, то она первоначально установлена на уровне в 20%. С учетом нынешнего состояния экономики — это относительно небольшая величина, особенно если вспомнить, что по традиционным канонам норма банковского процента не должна быть ниже нормы инфляции. Иначе получатели кредитов оказываются в прямом выигрыше в отличие от тех, кто этот кредит выдает. В таких странах, как Болгария и Польша, норма процента 50—60% годовых стала достаточно стабильной. При заниженной норме коммерческие банки будут иметь прямую выгоду, получая ссуды Центрального банка под незначительный процент, а предоставляя свои кредиты под заметно более высокий. Их ставки уже приблизились к 50%. Введен особый порядок использования ссуд Центрального банка коммерческими. Но это ограничивает регулирующую роль указанных ссуд и учетной ставки процента. Центральный банк принял дополнительные меры, лимитирующие кредитную эмиссию. Это естественно, ибо недостаточно жесткая кредитная политика может послужить источником отно-

сительно быстрого увеличения платежеспособного денежного спроса, способного вызвать следующий виток инфляции. Но нужно учитывать еще два обстоятельства: с одной стороны, политика банковского процента является одним из наиболее гибких экономических рычагов. Можно ожидать, что ставка Центрального банка будет повышаться при заметном спросе на кредиты, с другой — пока еще трудно судить, каким окажется взаимодействие уровня налогообложения и величины банковского процента. Система налогов пока является удушающей, и она может существенно ограничить кредитную экспансию. Как знать, может быть, если в Польше решающую роль в стабилизации сыграла кредитная политика банка, в Югославии — замораживание заработной платы, то у нас эта функция может лечь на плечи налоговой системы.

Особо уязвимыми могут стать два аспекта современной экономической политики: регулирование заработной платы и создание условий для конвертируемости рубля. Практически во всех странах политика того или иного замораживания заработной платы являлась неотъемлемой частью пакета стабилизационных мер. У нас на первых порах в производственной сфере ограничения роста заработной платы не вводилось. Это может послужить источником дальнейшего роста инфляции, опрокидывающего стабилизацию потребительского рынка. Неизбежно будет расти разрыв между оплатой труда в производственной, особенно в коммерческой, и в непроизводственной сферах, что очень серьезно подорвет материальное положение беднейших слоев населения, прежде всего пенсионеров. Противодействовать этому сможет тяжелое финансовое положение многих предприятий, у которых не будет достаточно средств для выплаты заработной платы в полном объеме, а также введение дополнительных мер по регулированию ее прироста.

При всем стремлении облегчить материальные тяготы населения важно видеть принципиальную разницу между реальными и иллюзорными мерами в этой области. Популистские призывы обеспечить максимальную компенсацию роста цен, вводить высокие нормы индексации доходов и т.п. могут привести только к гиперинфляции без какого-либо влияния на динамику реальных доходов и реального уровня жизни населения. Последнее определяется физическими объемами продукции, которая будет произведена и поступит в продажу. Если эти объемы не увеличатся на душу населения, никакие компенсации не смогут облегчить его положения.

Уже отмечалось, что в ряде стран решающую роль в быстром наполнении рынка, создании условий конкуренции, обеспечении реакции предложения на спрос сыграла внутренняя конвертируемость валюты. В наших условиях не было возможности вводить традиционные формы внутренней конвертируемости с использованием твердого курса рубля. Для этого нет необходимых валютных резервов. В такой ситуации среди оперативных мер можно использовать плавающий рыночный курс и принимать меры для его нормализации. Этот подход и был фактически принят в самом начале нового курса экономической политики.

Некоторые надежды дает формирование фонда стабилизации рубля за счет 10%-ной валютной выручки предприятий. Не совсем понятно, правда, откуда взять необходимое количество рублей для того, чтобы выкупить эту часть валюты по рыночному курсу, если исходить из необходимости сдерживать использование мощности печатного станка. Пока же, однако, государство не сделало даже малейших попыток какой бы то ни было валютной интервенции для нормализации курса рубля и тем самым дает возможность поддержания его на спекулятивном уровне, не имеющем реальных экономических оснований. Это вызывает дополнительное серьезное давление на рост цен внутреннего рынка.

В целом же политика во внешнеэкономической области пока весьма (хоть и во многом вынужденно) противоречива и на первых порах скорее будет оказывать сдерживающее влияние на развитие международного обмена, нежели его стимулировать. С одной стороны, резко заниженный курс рубля создает повышенные стимулы для экспорта. Однако эти стимулы ограничиваются высокой долей выкупаемой валюты в резерв государства и в стабилизационный фонд, а также уровнем таможенных пошлин, системой квот и лицензий. С другой стороны, сложившийся курс рубля тормозит импорт.

Тем самым накладываются жесткие ограничения на возможности использования внешнего рынка в качестве фактора насыщения товарами внутреннего и быстродействующего рычага антимонопольной политики. Это обстоятельство сдерживает противодействие опасным последствиям монополизма, о которых говорилось выше.

В целом решение проблемы конвертируемости рубля, как и вообще стабилизации нашей экономики, будет очень существенно зависеть от масштабов западной поддержки. В какой мере разговоры на эту тему станут реальностью, покажет будущее.

При всей скудности возможностей принципиальное значение в нынешней тяжелой обстановке приобретают реальные, не крикливо-популистские меры по социальной защите населения, особенно его беднейших слоев. Их набор, который должен быть увязан в систему, весьма разнообразен: от бесплатных обедов до стимулирования предприятий принимать на себя часть социальных издержек (такой опыт есть, в частности, в ФРГ). Эта система постепенно вводится в действие.

Могло бы быть гораздо более активным и влияние общественности на ослабление последствий наиболее тяжелого периода на пути к рынку. Речь не идет о словесной перебранке между различными партийными и общественными политическими течениями, которой более чем достаточно. Речь идет о деле. Существует, например, Общество защиты потребителей, способное практически оказывать давление на производство, помогать проведению антимонопольной политики и т.п. Однако ни о каких реальных шагах в этой области пока не слышно. Как и во многом другом, сказывается отсутствие традиций, опыта, инициативы.

В целом постоянные наблюдения за динамикой экономической ситуации и принятие диктуемых ею корректирующих мер еще оставляют возможность сдержать новую инфляционную волну и не дать ей достичь устрашающих размеров. Если, конечно, позволит политическая ситуация, которая в таких условиях не может быть благоприятной.

При всей остроте текущей экономической обстановки нельзя забывать о перспективе, решающей роли базовых процессов движения к рынку. Если в начале перехода к рынку в силу особых обстоятельств макроэкономическая политика выдвигается на первый план, то дальнейшее зависит от развития предпринимательства, реакции на нее предприятий. Первоочередное условие для нормального развития базовых процессов определяется созданием соответствующего законодательства, открывающего широкий простор предпринимательской деятельности и разнообразным формам рыночных отношений. Разрабатываемые и принимаемые в настоящее время нормативные акты являются достаточно комплексными, хотя краткие сроки подготовки и нехватка компетентных кадров не могут не отражаться на их качестве. В дальнейшем жизнь неизбежно будет вносить свои коррективы.

Важно также учитывать необходимость заблаговременной подготовки к следующему этапу осуществления экономической политики после того, как стабилизация будет в той или иной мере достигнута. В условиях жестких экономических мер, ограничивающих спрос, неизбежным следствием становится тяжелое финансовое положение значительной части, если не большинства предприятий. Их поведение определяется прежде всего стремлением выжить. Поддержание жизнеспособности коллектива и соответствующего уровня заработной платы доминирует над всеми остальными целями. Отсутствие денег не оставляет возможностей для серьезного инвестирования в дальнейшее развитие. Такая ситуация долго существовать не может. Нормализуя общие экономические пропорции и побуждая перестройку деятельности каждого предприятия согласно требованиям потребителей, финансовый гнет приведет к устарению основного капитала, а это повлечет тяжелые долгосрочные последствия для экономики страны, если затянется на относительно продолжительное время, тем более что спад в инвестиционной сфере наблюдается уже не один год. Поэтому за первым этапом — стабилизации — должен последовать второй — более либеральной политики, рассчитанной на стимулирование развития производства и роста капитальных вложений. Политика в этот период ориентируется обычно на ослабление налогового пресса, жесткости банковского режима, ограничений роста заработной платы и т.п. Естественно, во всем этом

важна мера, но общая направленность на активизацию стимулов неизбежна. В Польше и Югославии шаги к стимулированию развития стали предприниматься примерно через полгода после начала стабилизации.

Не следует, однако, переоценивать краткосрочные последствия такой политики. В Польше, например, ожидалось, что она весьма быстро поможет преодолеть спад производства и перейти к экономическому росту. Но этого не произошло. Спад продолжается. И важно учесть его логику, чтобы обоснованно прогнозировать дальнейшее развитие ситуации. Стало очевидным, что экономический спад носит не только конъюнктурный характер, связанный с мерами по ограничению спроса, а прежде всего — структурный. И полноценный выход из него, позволяющий рассчитывать на дальнейшее эффективное и динамичное развитие, возможен лишь в результате глубокой структурной перестройки народного хозяйства.

Перед нашей экономикой эта задача стоит наиболее остро по сравнению с любой другой страной. Нигде не было такого внушительного военно-промышленного комплекса, как у нас. Нигде не было такого подрыва потребительского сектора экономики. Трудно найти страну со столь глубоким отставанием инфраструктуры, начиная с дорожной сети, особенно несобходимой для нормальной жизни при наших поистине необъятных просторах. Перечень структурных проблем можно продолжать. Их острота свидетельствует о том, что спад производства может быть весьма продолжительным. Можно говорить о стабилизации и даже некотором росте в относительно недалекой перспективе отдельных отраслей производства, особенно относящихся к потребительской сфере, если, конечно, не произойдет срыва, как еще принято говорить, посевной кампании. Но общий рост производства вряд ли наступит скоро и, может быть, не стоит особенно этого опасаться. Лучше создать более прочную базу для дальнейшего интенсивного развития, чем оставаться на полпути к назревшей структурной перестройке.

Сложнейшей проблемой при переходе от стабилизации к стимулированию развития экономики опять-таки остается монополизм. И это опасно потому, что меры по стимулированию дополнительного спроса могут вызвать не рост предложения на основе активизации конкурентной борьбы, а увеличение цен и очередной срыв в гиперинфляцию. Такая опасность постоянно будет витать над нашей экономикой при сложившейся структуре и уровне монополизации. Причем, если процесс раскручивания гиперинфляции не удастся "сбить" достаточно быстро, он также послужит подрыву финансовой базы инвестиционного процесса, вызывая обесценение денежных накоплений населения и предприятий. Тогда неизбежной становится высокая индексация вкладов населения и предприятий в банках, чтобы сохранить эту финансовую базу. Индексация же в свою очередь превращает гиперинфляцию в достаточно устойчивую и перманентную. Пример латиноамериканского региона является наглядным тому свидетельством. В таком случае возврат в очередной раз к стабилизации потребует специальной и вряд ли краткосрочной подготовки. Для ряда латиноамериканских стран характерно своеобразное пульсирующее развитие от одной стабилизации через новый виток гиперинфляции к другой. Хотелось бы, конечно, избежать такой перспективы, но для этого ее нужно заранее видеть и учитывать в экономической политике.

Если же после перехода к стимулированию развития производства инфляция окажется не столь катастрофической, то это позволит создать более благоприятные экономические условия для устойчивого и последовательного формирования всей системы базовых процессов перехода к рыночной экономике. Особенно существенную роль для перестройки технологии производства и вывода его на современный конкурентоспособный уровень может сыграть продуманная политика достаточно широкого импорта капитала, который может осуществляться в разнообразных формах.

Таким образом, на каждом этапе политики перехода к рынку нас поджидают немалые сложности, препятствия, проблемы. Но еще более тяжелые последствия будут возникать, если откладывать решительные меры. Как всегда, дорогу осилит идущий.